

ФРАЗЕОСХЕМА С ВОПРОСИТЕЛЬНЫМ МЕСТОИМЕНИЕМ «CUÁL» В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Вадим Юрьевич Меликян

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: MelikyanV@mail.ru

Анна Васильевна Меликян

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: melikyan.anna@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена описанию фразеосинтаксических схем с опорным компонентом-вопросительным местоимением *cuál* в современном испанском языке. Фразеосхема является одним из наиболее специфических классов синтаксических фразеологических единиц. Она представляет собой синтаксическую единицу, выполняющую коммуникативную функцию, обладает «застывшей» схемой построения, выражает пропозитивное (диктумное и модусное) значение, а также фразеосинтаксическое («синтаксему», «emotional seme», «интенсему» и «экспрессему») значение. Фразеосхема является неоднocomпонентной моделью предложения, включающей в свой состав обязательный неизменяемый (опорный) компонент, а также обязательный изменяемый компонент. Данные синтаксические построения характеризуются признаками воспроизводимости, структурно-семантической устойчивости и целостности, идиоматичности, экспрессивности и стилистической маркированности. Фразеосхемы представляют собой чрезвычайно эффективный инструмент коммуникативного воздействия.

Ключевые слова: синтаксическая фразеология, фразеосинтаксическая схема, воспроизводимость, структурно-семантическая устойчивость и целостность, идиоматичность, экспрессивность.

Одной из самых значимых по своим последствиям в плане изменения и развития языковой системы является тенденция к формированию корпуса устойчивых оборотов речи, заметно упрощающих процесс коммуникации, в первую очередь, устной. Данная тенденция, в свою очередь, обусловлена активно действующим в языке принципом экономии, который опирается преимущественно на антропологический фактор. Одним из проявлений действия в языке данных факторов является наличие большого количества фразеологических единиц. Все это делает языковые единицы фразеологической подсистемы, в частности синтаксические фразеологические единицы, чрезвычайно привлекательным объектом исследования для многих ученых. Однако фразеологический состав языка изучен не в равной степени, в том числе в испанском языке. В современном романском языкознании существуют лишь фрагментарные исследования отдельных классов синтаксических фразеологических единиц, в частности фразеосинтаксических схем (фразеосхем). В этой связи возникла необходимость их глубокого и разноаспектного описания на материале испанского языка, что и обусловило актуальность данной статьи.

Работы теоретического характера по испанской фразеологии немногочислен-

ны (см. наиболее значимые работы испанских и латиноамериканских лингвистов по фразеологии: [Kacapec; Coseriu; Zuluaga; Carneado Moré; Tristán] и др.). Многие испанские и латиноамериканские ученые в своих исследованиях опираются на концепции таких выдающихся русских лингвистов-фразеологов, как В.В. Виноградов, Н.Д. Арутюнова, Н.Ю. Шведова, В.Н. Телия, В.Л. Архангельский, Н.Н. Амосова и других. Среди исследований фразеологии в испанистике, проведенных русскими учеными, можно выделить работы В.С. Виноградова, Н.Н. Курчаткиной и А.В. Супрун, Э.И. Левинтовой и Е.М. Вольф, Э.А. Мальцевой, А.В. Меликян, И.В. Ямушкиной.

Синтаксические фразеологические единицы в лингвистической науке исследуются в меньшей степени, по сравнению с лексическими, а в работах испанских ученых данные языковые единицы в качестве самостоятельного объекта не рассматривались вообще. Анализ некоторых синтаксических фразеологических единиц встречается в связи с описанием лексических фразеологических единиц. Поэтому настоящее исследование базируется преимущественно на разработках российских лингвистов, которые отличаются системностью, а также привлечением материала разных языков.

Фразеосинтаксическая схема – это коммуникативная предикативная единица синтаксиса, представляющая собой

определяемую и воспроизводимую несвободную синтаксическую схему, характеризующаяся наличием диктумной и модусной пропозиции, выражающая логически и семантически членимое смысловое содержание (т.е. равное суждению), обладающая грамматической и лексической нечленимостью, ограниченной проницаемостью и распространяемостью, сочетающаяся с другими высказываниями в тексте по традиционным правилам и выполняющая в речи эстетическую функцию [Меликян, с. 161–162].

Данная статья посвящена анализу фразеосинтаксической схемы *¿Cuál + V finit [inf, subj]!?*, которая является довольно частотной фразеологизированной синтаксической конструкцией в современном испанском языке. Иллюстрации фразеосхемы были извлечены методом сплошной выборки из оригинальных произведений испанской и латиноамериканской художественной литературы XIX–XX веков, а также грамматик, толковых и фразеологических словарей испанского языка.

Предметом исследования являются структурные, семантические, парадигматические и этимологические свойства фразеосхемы с опорным компонентом *cuál*.

Фразеосхема *¿Cuál + V finit [inf, subj]!?* полисемична и способна выражать следующие значения:

1) «отрицание в сочетании с различными эмоционально-оценочными оттенками»: Nos pagaron el sueldo ayer, sólo una décima parte de lo que habíamos acordado, el resto, según el contrato, se usará para pagar mi viaje y mi estancia. Según los cálculos de Vivian, eso debe de tardar un año, o sea que durante ese período no tengo adónde huir. ¿Acaso vale la pena huir? Acabo de llegar, aún no conozco nada. **¿Cuál es el problema de bailar siete noches a la semana?** Antes lo hacía por placer, ahora lo hago por dinero y por fama (Paulo Coelho. Once minutos). // Вчера нам заплатили один сольдо, лишь одну десятую часть от того, что нам предназначалось. Остальное, согласно контракту, тратилось на оплату моего проезда и жилья. По подсчетам Вивьен, долг нужно будет выплачивать в течение года, и все это время я не могу никуда уйти. Как будто мне есть куда пойти? Я только что приехала и до сих пор никого не знаю. **Что за проблема танцевать семь ночей в неделю?** Раньше я делала это для удовольствия, а сейчас – для денег и славы. (“Нет никакой проблемы в том, чтобы танцевать семь ночей в неделю + высокая степень уверенности, удивление и т.д.”);

2) «утверждение в сочетании с различными эмоционально-оценочными оттенками»: Pero **¿cuál no sería su preocupación** cuando él, que todo lo ve y todo lo sabe, no advirtió que, abstraído en sus ideas, había echado la llave en falso! (Gustavo Adolfo Bécquer. Leyendas) // **Но кто бы не понял свое беспокойство**, когда он тот,

который все видит и все знает, не распознал фальшь, скрытую в его мыслях! (“Каждый бы понял свое беспокойство + высокая степень уверенности, удивление, неодобрение, негативное отношение к предмету речи и т.д.”);

3) «высокую степень проявления предмета речи в сочетании с различными эмоционально-экспрессивными оттенками значения»: – **¡Cuál fue mi asombro!** // – **Каково было мое удивление!** (“Мое удивление было огромным + изумление и т.д.”);

4) «негативную оценку предмета речи в сочетании с неодобрением, порицанием, возмущением и т.п.»: **¿Y cuál sería la reacción de su padre**, uno de los más conocidos embajadores de la joven república eslovena, uno de los artifices de las delicadas negociaciones con Yugoslavia en los comienzos de los años noventa? A fin de cuentas, este hombre había conseguido trabajar durante años para Belgrado, había sobrevivido a sus detractores que lo acusaban de haber servido al enemigo y continuaba en el cuerpo diplomático, sólo que ahora representando a un país diferente... al embajador no le importaba mucho que su hijo tuviera buena o mala apariencia; no tenía intención de invitarlo a fiestas oficiales, ni hacer que lo acompañase por los diversos lugares donde era designado representante del gobierno (Paulo Coelho. Veronika decide morir). // **И какова же была реакция его отца**, одного из самых известных послов молодой словенской республики, одного из мастеров деликатных переговоров с Югославией в на-

чале 90-х? Как-никак, этот человек работал в течение многих лет на Белград, не обращая внимания на сплетников, обвиняющих его в том, что он служит врагам, и продолжал трудиться на дипломатическом поприще несмотря на то, что он представлял уже другую страну... Посла не очень-то интересовало хорошо или плохо выглядит его сын, он не собирался ни приглашать его на официальные приемы, ни просить сопровождать его в различные места, куда его назначали официальным представителем правительства (“У него была странная реакция + удивление, неодобрение, негативное отношение к предмету речи и т.д.”).

Таким образом, фразеосхема **¡Cuál + V finit [inf, subj]!?** обладает широкой системой значений, что расширяет прагматический, а также эмоционально-экспрессивный потенциал данной фразеосхемы. Использование таких языковых единиц имеет большое значение в процессе общения, придает ему экспрессивность, так как эффективность процесса коммуникации обусловлена не только информативной функцией, но и воздействующей, которая, в первую очередь, опирается на эмоционально-экспрессивный потенциал языковых единиц. «Фразеологизмы появляются в языке для того, чтобы через образное представление характеризовать уже названное словом понятие, конкретизировать его через заложенное в содержании представление, выражая отношение к нему,

оценку его. То есть фразеология удовлетворяет потребность носителей языка в экспрессивности» [Федоров, с. 114].

Понимание экспрессивности как важного свойства единиц речи базируется на утверждении о том, что без «человеческих эмоций» никогда не было, нет и быть не может человеческого искания истины. Само познание есть уже отношение субъекта к объекту: «Смысл воплощает в себе некоторое отношение «субъект-объект» [Марков, с. 87]. По мнению Г.В. Колшанского, «оценка содержится, таким образом, повсюду, где происходит какое бы то ни было соприкосновение субъекта познания с объективным миром...» [Колшанский, с. 142].

Фразеосхема *¿Cuál + V finit [inf, subj]!?* является производной, то есть обладает внутренней формой. По определению А.В. Кунина, внутренняя форма фразеосхемы – это диахроническая связь фразеологического значения оборота и его этимологического значения [Кунин, с. 42]. Внутренняя форма фразеосхемы представляется весьма значимой. Она определяет многие ее структурные, функциональные и содержательные параметры.

В качестве производящей основы данной фразеосхемы выступает нефразеологизированная вопросительная синтаксическая конструкция, о чем свидетельствует наличие в составе фразеосхемы слова *cuál*, например:

– He cambiado mi opinion y voy a salir allí contigo. – *¿Cuál es el cambio?* – Ahora tengo más tiempo que antes. // Я передумал и собираюсь поехать туда с тобой. – *А что изменилось?* – Теперь у меня больше свободного времени, чем раньше.; Ср.: Al otro día, por teléfono, Emilia me explicó que para «aplacar las fieras» no me visitaría esa tarde. Desde entonces alternamos días en que se queda hasta la madrugada, con días de ausencia total. Con un poco de cordura – si yo me atuviera a los hechos y no cavilara – sería feliz. En definitiva *¿cuál es el cambio?* Ciertamente hay días en que no la veo, pero hay otros en que la veo doce horas... (Adolfo Bioy Casares. Una muéca rusa). // На следующий день по телефону Эмилия объяснила мне, что для того, чтобы «успокоить хищников», она не придет ко мне вечером. С тех пор мы чередовали дни, когда она оставалась до рассвета и когда она не приходила совсем. В целом, если я был чем-то занят и не думал об этом, я был счастлив. В конечном счете *что изменилось?* Конечно, были дни, когда я ее совсем не видел, но были и другие, когда мы были вместе двенадцать часов... (“Ничего не изменилось + высокая степень уверенности, неодобрение, досада, огорчение, сожаление и т.п.”).

Следует отметить, что фразеосхемы испанского языка, производящей основой которых выступает вопросительное предложение, являются продуктивными в количественном плане. Это обусловлено свойствами вопросительных предложений, которые

в качестве внутренней формы оказывают существенное влияние на характер формальной и содержательной организации фразеосхем, на их стилистическую и эстетическую маркированность. Вопрос характеризуется наличием семы «незнания», существует ли предмет речи в действительности. «Особенность логической формы мысли, заключенной в вопросе, на уровне языка проявляется в том, что содержание вопросительного предложения всегда предполагает соответствующую модальную рамку незнания того, существует ли названный в нем факт в реальной действительности (вне нас или внутри нас)» [Гаврилова, с. 51]. Наличие семы «незнания» или «неопределенности» в отношении предмета речи способствует более легкой трансформации вопросительных предложений в структурно-семантическом, стилистическом и функциональном аспектах: «Незнание говорящим, существует ли какой-либо факт в реальной действительности, легко приводит к тому, что в силу семиоимпликации вопросительное утвердительное предложение легко приобретает значение повествовательного отрицательного, выступая в качестве его «маски». Такое его значение обязательно сопровождается дополнительными коннотациями эмоционального характера... Иллокутивная цель таких высказываний – не только убедить адресата в противоположном утвердительному, но максимально воздействовать на его эмоциональную и волевую сферу»

[Гаврилова, с. 94].

Обязательный неизменяемый компонент данной фразеосхемы *cuál* в системе испанского языка выступает в качестве местоимения и в словаре трактуется следующим образом: «который, кто, что (из кого, чего), какой, каков» [Садиков, Нарумов, с. 688]. Значение вопросительного местоимения *cuál* в данной фразеосхеме частично деактуализировано в связи с утерей всей конструкции значения вопросительности и ее трансформацией в конструкцию восклицательную или повествовательную по цели высказывания, например: *¿Cuál habría sido el resultado de mi incipiente locura si Juan Luis no me hubiese llevado a Río? No es que muriera de ganas, pero movida por quizás qué culpas, o ya nostálgica de la culposa que aún no era, accedí a su invitación sugerida como una pequeña luna de miel (Marcela Serrano Pérez. Para que no me olvides). // Каков мог быть результат моего начинающего безумия*, если Хуан Луис не отвез бы меня в Рио? Не то, чтобы я охотно умерла бы, но то ли по причине любовной связи из чувства вины, то ли из-за угрызений совести, что ее больше нет, но я приняла приглашение, как будто это был маленький медовый месяц. (“Был бы весьма плачевный результат моего безумия + высокая степень уверенности, неодобрение, возмущение, огорчение, сожаление и т.п.”). Однако слово *cuál* сохраняет этимологические связи с классом слов, на основе которого оно было сформировано,

о чем свидетельствует возможность определения производящей основы фразеосхемы, в составе которой оно функционирует в первичном, вопросительном значении.

Обязательный изменяемый компонент фразеосхемы может быть выражен глаголом в личной форме, инфинитивом или глаголом в форме сослагательного наклонения (*V finit [inf, subj]*), например: ... Pero poco a poco empezó a mirarlas con audacia, largamente, porque no quería tomar una decisión precipitada. *¿Cuál escoger?* Las dos le resultaban encantadoras con sus piernotas robustas, sus senos apretados, sus ojos de aguamarina y esa piel de infante (Isabel Allende. Eva Luna). // ... Но постепенно он начал смотреть на них с дерзостью, по большей части, потому что не хотел принимать поспешных решений. *Какую выбрать?* Обе – чрезвычайно очаровательны, со стройными ногами, крепкой грудью, глазами цвета аквамарин и кожей младенца. (“Невозможно выбрать одну из них + досада, неодобрение, негативное отношение к предмету речи и т.д.”). Изменяемый компонент является лексически свободно варьируемым.

Фразеосхема с опорным компонентом *cuál* характеризуется наличием целого ряда свойств, которыми обладают единицы фразеологической подсистемы языка: воспроизводимость, структурно-семантическая устойчивость и целостность, идиоматичность, экспрессивность и разговорная стилистическая марки-

рованность. Рассмотрим данные свойства описываемой синтаксической единицы.

Фразеосхема *¿Cuál + V finit [inf, subj]!?*, в первую очередь, обладает свойством воспроизводимости, которое проявляется в том, что говорящие используют ее в качестве готового шаблона для формирования того или иного высказывания, связанного с выражением определенного круга значений в бытовой обстановке в рамках диалогической речи.

Структурная устойчивость анализируемой синтаксической фразеологической единицы проявляется в наличии обязательных компонентов (неизменяемого и изменяемого), т. е. в способности сохранять неизменными свои формальный состав и смысловое наполнение. Именно неизменное соотношение между планом выражения и планом содержания обеспечивает возможность существования и функционирования фразеологических единиц. Парадигматические свойства фразеосхемы в значительной степени ограничены. При этом, по справедливому утверждению В.Н. Телия, устойчивость – это не абсолютная неизменяемость фразеологизма, а ограничение разнообразия трансформаций. Семантическая устойчивость связана с наличием константного фразеосинтаксического значения: утверждения / отрицания / высокой степени проявления предмета речи / негативной оценки, а также сем

«экспрессивности», «иронии».

Структурная целостность обусловлена невозможностью опущения одного из двух обязательных структурных компонентов и отсутствием широкой практики распространения синтаксической модели в целом. Семантическая целостность проявляется в том, что элементы фразеосинтаксического значения выражаются не отдельными компонентами структуры фразеосхемы, а всей синтаксической моделью в целом. Таким образом, структурно-семантическая целостность данной фразеосхемы продуцируется частичной деактуализацией значений ее отдельных структурных компонентов, а также синтаксических отношений между ними.

Одним из наиболее значимых признаков фразеологических единиц является свойство идиоматичности, которое основано на фундаментальном принципе устройства языкового знака – принципе асимметрии. Идиоматичность описываемой фразеосхемы проявляется в невыводимости смысла языковой единицы из значений его отдельных структурных компонентов. При этом чем выше степень асимметрии означаемого и означаемого, тем выше степень идиоматичности фразеологизма.

Идиоматичность может выражаться в невыводимости содержания всей или части диктумной пропозиции высказывания, его модусной пропозиции, значения отрица-

ния или утверждения, оценки, знака оценки, экспрессымы, значения предложения по цели высказывания, его общей структурно-семантической квалификации, а также сниженной стилистической маркированности.

Свойство идиоматичности анализируемой фразеосхемы имеет несколько аспектов проявления. В первую очередь, выделяется рассогласованность формы и содержания данной фразеосхемы в плане наличия или отсутствия значения отрицания: по форме она представляет собой утвердительное предложение, а по содержанию – негативное (выражает отрицание или негативную оценку). Например: – *Hijo, yo nada; yo no quiero nada, porque sé cómo sois. Pero lo que digo es lo siguiente: la niña está muy enferma, y no por culpa suya; su naturaleza era fuerte; en su *constitución* no hay vicio alguno; pero no le da el sol nunca y se la está comiendo la humedad; necesita calor y no lo tiene; luz y allí le falta; aire puro y allí se respira la peste; ejercicio y allí no se mueve; distracciones y allí no las hay; buen alimento y allí come mal y poco..., pero no importa; Dios está satisfecho por lo visto. ¿Cuál es la *perfección*? La vida entre dos alcantarillas. ¿El mundo está perdido? Pues vámonos a vivir metiditos en un... inodoro (Leopoldo Alas. Clarín).* // – Сын, я ничего, я не хочу ничего, потому что знаю, каково вам здесь. Но я хочу сказать следующее: девочка – очень больна и не по своей вине: у нее сильный организм, в ее *конституции* нет изъяна, но она не получает доста-

точно солнечного света и живет в сырости, ей нужно тепло, но она лишена его, свет – а здесь его нет, свежий воздух – а здесь она дышит смрадом, движение – а здесь она не двигается, развлечения – а здесь их нет, хорошее питание – а здесь она питается мало и плохо... но это не важно. Бог доволен тем, что я вижу. **Что может быть лучше?** Жизнь между двух сточных труб. Куда катится этот мир? Ну что ж, будем жить в канализации. (“Ничего не может быть лучше + досада, ирония, неодобрение, негативное отношение к предмету речи и т.д.”).

Как видим, данное высказывание содержит также довольно объемную модусную пропозицию, связанную с выражением негативного отношения говорящего к предмету речи и предполагаемому адресату. Однако формально она никак не выражена в структуре анализируемой фразеосхемы.

Невыводимой также является стилема, представляющая собой разговорную маркированность данной фразеосхемы, например: – *¿Cuál será su parentesco con esa actriz de televisión? bonita, por cierto, mucho más que esta muchacha tan mal vestida, estuve a punto de invitar a la otra, pero dicen que es un maricón, cuesta crearlo, de todos modos no puedo correr el riesgo de que me vean con un degenerado (Miguel Delibes El Hereje). // – Какой будет связь с этой актрисой с телевидения?* Конечно, она красивая, намного красивее, чем эта плохо одетая девушка, я уже

почти пригласил другую, но говорят, что она стерва, стоит об этом подумать, и, в любом случае, я не могу рисковать тем, что меня увидят с дегенератом. (“Связь с этой актрисой с телевидения будет неудачной + досада, неодобрение, негативное отношение к предмету речи и т.д.”). Предложение *¿Cuál será su parentesco con esa actriz de televisión? // Какой будет связь с этой актрисой с телевидения?* в соответствующем контексте может выражать прямое вопросительное значение и относится к нейтральному стилю, а может, как в анализируемом примере, реализовывать вторичное значение отрицания, неодобрения, негативной оценки и приобретать разговорную окраску. При этом формально оно не меняется.

Таким образом, фразеосинтаксическая схема *¿Cuál + V finit [inf, subj]!?* представляет собой фиксированную синтаксическую модель, которая относится к фразеологической подсистеме языка, в частности к уровню синтаксической фразеологии. Она включает в свой состав обязательные неизменяемый и изменяемый компоненты, выражает диктумную и модусную пропозиции, а также характеризуется признаками воспроизводимости, структурно-семантической устойчивости и целостности, идиоматичности и экспрессивности. Фразеосхема мотивирована простым нефразеологизированным вопросительным предложением и является результатом

процесса синтаксической фразеологизации. Она способна реализовывать не только предметное значение, но и различные эмоционально-экспрессивные оттенки значения, характеризуется наличием обобщенного фразеосинтаксического значения, разговорной стилистической маркированности и экспрессивности.

Литература

Гаврилова Г.Ф. Вопросительные конструкции в их функционально-семантическом аспекте // Языковые единицы: логика и семантика, функции и прагматика. Сборник научных трудов. Таганрог, 1999.

Гаврилова Г.Ф. Усложненное сложное предложение в русском языке. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. н/Д ун-та, 1979.

Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М.: Изд-во иностр. литературы, 1958.

Колишанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975.

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (Проблема языкового изменения) // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.

Кунин А.В. Английская фразеология. М.: Высшая школа, 1970.

Марков М. Искусство как процесс. М.: Искусство, 1970.

Меликян А.В. Системный и функциональный аспекты интерпретации фра-

зеосинтаксических схем с опорным компонентом-вопросительным словом (на материале испанского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2007.

Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксическая фразеология. Учебное пособие для студентов. М.: Флинта: Наука, 2014.

Садиков А.В., Нарумов Б.П. Испанско-русский словарь современного употребления. М.: Рус. яз., 2001.

Федоров А.И. Фразеологическая семантика и ее толкование в словарях // Синтаксическая и лексическая семантика (на материале языков разных систем). Новосибирск, 1986.

Carneado, Moré Z., Tristán Pérez, A.M. (1985). Estudios de fraseología. La Habana: Academia de Ciencias de Cuba.

Coseriu, E. (1978). Gramática, semántica, universales (estudios de lingüística funcional). Madrid: Gredos.

Coseriu, E., Tristán A.M. (1988). Fraseología y contexto. La Habana: Ciencias Sociales.

Zuluaga, A. (1980). Introduccional estudio de las expresiones fijas. Francoforte/M., Berna, Cirencester/U.K.

Zuluaga, A. (1975). La fijación fraseológica. Thesaurus : boletín del Instituto Caro y Cuervo, 30 (2). pp. 225-248.

References

Carneado, Moré Z., Tristán Pérez, A.M. (1985). Estudios de fraseología. La Habana: Academia

de Ciencias de Cuba.

Coseriu, E. (1978). Gramática, semántica, universales (estudios de lingüística funcional). Madrid: Gredos.

Coseriu, E., Tristá A.M. (1988). Fraseología y contexto. La Habana: Ciencias Sociales.

Fedorov, A.I. (1986). Fraseologicheskaya semantika i eye tolkovaniye v slovaryakh [Phraseological semantics and its interpretation in dictionaries]. In : Sintaksicheskaya i leksicheskaya semantika (na materiale yazykov raznykh sistem) [Syntactic and lexical semantics (a case study of languages, belonging to different language spheres)]. Novosibirsk, pp. 178-184.

Gavrilova, G.F. (1999). Voprositel'nyye konstruksii v ikh funktsional'no-semanticheskom aspekte [Interrogative constructions in their functional-semantic aspect]. YAzykovyye edinity: logika i semantika, funktsii i pragmatika. Sbornik nauchnykh trudov [Language units: logics and semantics, functions and pragmatics]. Taganrog.

Gavrilova, G.F. (1979). Uslozhnennoye slozhnoye predlozheniye v russkom yazyke [Compound sentences with predicative units of different structure in the Russian language]. Rostov-on-Don: Rostov Pedagogical University Publ.

Kasares, Kh. (1958). Vvedeniye v sovremennuyu leksikografiyu [Introduction to modern lexicography]. Moscow: Foreign Literature Publ.

Kolshanskiy, G.V. (1975). Sootnosheniye sub'yektivnykh i ob'yektivnykh faktorov v yazyke [Correlation of subjective and objective factors in language]. M: Nauka.

Koseriu, E. (1963). Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya (Problema yazykovogo izmeneniya) [Synchrony, diachrony and history]. Novoye v lingvistike [News of linguistics]. Vol. 3. Moscow.

Kunin, A.V. (1970). Angliyskaya frazeologiya [English phraseology]. Moscow: Higher School.

Markov, M. (1970). Iskusstvo kak protsess [Art as process]. Moscow: Iskusstvo.

Melikyan, A.V. (2007). Sistemnyy i funktsional'nyy aspekty interpretatsii frazeo-sintaksicheskikh skhem s opornym komponentom-voprositel'nyim slovom (na materiale ispanskogo yazyka) [[System and functional aspects of interpretation of phraseo-syntactic schemes with an interrogative word as a basic component (a case study of the Spanish language)]. PhD Thesis, Rostov-on-Don.

Melikyan, V.Yu. (2014). Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksicheskaya frazeologiya [The modern Russian language. Syntactic Phraseology]. Uchebnoye posobiye dlya studentov. Moscow: Flinta: Nauka.

Sadikov, A.V., Narumov, B.P. (2001). Ispansko-russkiy slovar' sovremennogo upotrebleniya [Spanish-Russian dictionary of modern language use]. Moscow: Russian Language.

Zuluaga, A. (1980). Introduccional estudio de las expresiones fijas. Francoforte / M., Berna, Ciencener / U.K.

Zuluaga, A. (1975). La fijación fraseológica. Thesaurus : boletín del Instituto Caro y Cuervo, 30 (2). pp. 225-248.

FIXED PHRASE SCHEME WITH INTERROGATIVE PRONOUN «CUÁL» IN CONTEMPORARY SPANISH LANGUAGE

Vadim Yu. Melikyan, PhD, Associate Professor at Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia;
e-mail: MelikyanV@mail.ru.

Anna V. Melikyan, PhD, Assistant Professor at Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia;
e-mail: melikyan.anna@mail.ru.

Abstract. This article is devoted to the description of a fixed phrase scheme with compulsory component expressed by the interrogative pronoun *cuál* in contemporary Spanish language. The fixed phrase scheme is one of the most specific categories of a syntactic phraseological unit; namely a unit that represents communicative function, possesses a stable construction scheme, as well as expresses propositional (dictum and modus) and phraseosyntactic meaning («syntactic», «emotional», «intensifying» and «expressive» seme). The fixed phrase scheme is not a single-component sentence model; its structure includes both the compulsory unchangeable (principal) component and the compulsory changeable component. The fixed phrase schemes created according to the simple sentence model can have the compulsory unchangeable component expressed by an adverb (interrogative and non-interrogative), pronoun, particle, interjection, conjunction, preposition and categorematic words. These syntactic constructions are characterized by such features as reproducibility, stability, structural and semantic integrity, idiomaticity, expressiveness, and stylistic marking. The fixed phrase scheme is an extremely effective tool of communicative interaction.

Key words: syntactic phraseology, fixed phrase scheme (phraseosyntactic scheme, phraseoscheme), reproducibility, structural and semantic stability and integrity, idiomaticity, expressiveness.

